

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1.

А.Г. Козлова

ЗВУКОВЫЕ ОБРАЗЫ В ЛИРИКЕ Б.А. ЧИЧИБАБИНА

А.Г. КОЗЛОВА. ЗВУКОВІ ОБРАЗИ В ЛІРИЦІ Б.О. ЧИЧИБАБІНА.

Метою статті є характеристика особливостей втілення звукових образів в ліриці Б.О. Чичибабіна. Відзначається, що аудіальні образи займають важливе місце у творчості поета. Частіше за все Чичибабін звертається до звуків природного світу і музики, але навіть історичні часи набувають у його поетичному світі своїх звукових характеристик. Особлива роль у художній картині світу поета належить тиші, яка осмислюється ним не як повна відсутність звуку, а як вища форма звучання, та стає втіленням тайни буття і гармонії світу. Божественна тиша, вічність протиставляється шуму як втіленню мирського, плінного, минаючого. (Не випадково у вірші «Нет, ты мне не жена...» поет порівнює кохану з лісовою тишею.) Таке сприйняття тиші цілком відповідає російській поетичній традиції, яка пов'язана з такими текстами, як «Silentium!» Ф.І. Тютчева (1830) та «Silentium» О.Е. Мандельштама (1910). У віршах, які підіймають тему поетичної праці та поетичного мистецтва, Чичибабін активно використовує пісенні, музичні асоціації. Причому, з точки зору автора, музичність, співучість поезії подарована їй самою природою, глибинною таємницею буття. Нерідко у віршах Чичибабіна простежується думка про близькість поезії та музики. А музика співзвучна і природі, і чутливій душі ліричного героя, по суті самого поета. Не випадково кохання характеризується у його ліриці як «вічна музика світу». Цілком закономірною є пильна увага Чичибабіна до звукового ладу власних віршів. Часто у його текстах використовуються яскраві «звукові» метафори, елементи звукопису, внутрішня рима, складені каламбурні рими, зустрічаються паронімічні пари, прийом параномазії. В окремих випадках повторення звукових комплексів створює ефект відгомону, відлуння.

Ключові слова: поезія, лірика, вірш, звукові образи, образ тиші, рима, параномазія.

А.Г. КОЗЛОВА. ЗВУКОВЫЕ ОБРАЗЫ В ЛИРИКЕ Б.А. ЧИЧИБАБИНА.

Целью статьи является характеристика особенностей воплощения звуковых образов в лирике Чичибабина. Аудиальные образы занимают важное место в творчестве поэта. Чаще всего Чичибабин обращается к звукам природного мира и музыке, но даже исторические времена приобретают в его поэтическом мире свои звуковые характеристики. Особая роль в художественной картине мира поэта принадлежит тишине, которая осмысливается им не как полное отсутствие звука, а как высшая форма звучания, становясь воплощением тайны бытия и гармонии мира. Божественная тишина, вечность противопоставляется шуму как началу мирскому, суетному, преходящему. (Не случайно в стихотворении «Нет, ты мне не жена...» поэт сравнивает возлюбленную с лесной тишиной.) Такое восприятие тишины вполне вписывается в русскую поэтическую традицию, которая восходит к таким текстам, как «Silentium!» Ф.И. Тютчева (1830) и «Silentium» О.Э. Мандельштама (1910). В стихотворениях, связанных с темой поэтического труда и поэтического искусства, Чичибабин активно использует песенные, музыкальные ассоциации. Причем, с точки зрения автора, музыкальность, певучесть поэзии подарена ей самой природой, глубинной тайной бытия. Нередко в стихотворениях Чичибабина прослеживается мысль о близости поэзии и музыки. А музыка созвучна и природе, и чуткой душе лирического героя, по сути самого поэта. Не случайно любовь характеризуется в его лирике как «вечная музыка мира». Вполне закономерно пристальное внимание Чичибабина к звуковому строю собственных стихов. Часто в его текстах используются яркие «звуковые» метафоры, элементы звукописи, внутренняя рифма, составные каламбурные рифмы, встречаются паронимические пары, прием параномазии. В отдельных случаях повторение звуковых комплексов создает эффект отзвука, эха.

© А.Г. Козлова, 2019

<https://doi.org/10.34142/2312-1572.2019.03.69.06>

Ключевые слова: поэзия, лирика, стихотворение, звуковые образы, образ тишины, рифма, паронимазия.

A.G. KOZLOVA. PHONETIC IMAGES IN B.A. CHICHIBABIN POEMS.

The article characterizes the features of the embodiment of phonetic images in Chichibabin poems. Audio images occupy an important place in the creative work of the poet. Usually Chichibabin refers to the sounds of the natural world and music, but even historical times acquire special phonetic characteristics in his poetic world. A special role in poet's world picture belongs to silence, which is understood not as a complete absence of sound, but as the highest form of sound, becoming the embodiment of the mystery of being and harmony of the world.

Divine silence and eternity are opposed to noise as the principle of the worldly, vain, transient. (It is clearly shown in the poem "No, you are not my wife..." the poet compares his beloved with forest silence.) Such a perception of silence fits into the Russian poetic tradition, which goes back to texts like "Silentium!" F.I. Tyutchev (1830) and "Silentium" O.E. Mandelstam (1910). In poems related to the theme of poetic work and poetic art, Chichibabin actively uses ballad or musical associations. Moreover, from the author's point of view, the musicality and melodiousness of poetry is created by nature itself and the deepest secret of being. In Chichibabin poems one can often trace the idea of the similarity of poetry and music. And the music is consonant with both nature and the sensitive soul of the lyrical hero, pertinently the poet himself. It is not unexpected that love is characterized in his poems as "the eternal music of the world". Chichibabin's close attention to the sound system of his own poems is quite natural. Often his texts use vivid "phonetic" metaphors, sound recording elements, inner rhyme, compound pun rhymes, there are patronymic pairs, and paronomasia. In some cases, the repetition of sound complexes creates the effect of a resonance or echo.

Key words: poetry, lyrics, poem, phonetic images, image of silence, rhyme, paronomasia.

*И в жизни не было разлук,
и в мире смерти нет,
и серебрет в слове звук,
преображенный в свет.*

Б.А. Чичибабин

Поэтическое творчество Б.А. Чичибабина уже давно привлекает внимание исследователей. Среди тех, кто занимался изучением его различных аспектов, следует назвать М.И. Богославского, П.А. Брейтер, С.Н. Бунину, З.М. Вальшонка, М.А. Зуенко, И.Я. Лосиевского, К.В. Нестеренко, О.Н. Николенко, И.В. Остапенко, Л.Г. Фризмана и А.Э. Ходос и др. В то же время далеко не все аспекты лирики поэта изучены в равной степени, и целый ряд проблем все еще находится на периферии исследовательского внимания. Одна из них связана со звуковым строем поэзии Чичибабина и особенностями функционирования в ней аудиальных образов.

Целью нашей статьи является характеристика особенностей воплощения звуковых образов в лирике Чичибабина.

Ранее мы уже обращались к исследованию особенностей воплощения музыкальной темы и музыкальных образов в поэзии Б. Окуджавы [2] и Ю. Левитанского [3]. Данная статья является продолжением цикла статей об особенностях создания и функционирования звуковых образов в поэтическом тексте.

Даже поверхностное знакомство с поэзией Чичибабина позволяет заметить, что Чичибабин-поэт отличается тонкостью восприятия мира, внимательным отношением к его мельчайшим деталям. В лирике Чичибабина можно встретить не только яркие зрительные образы, выписанные с предельной скрупулезностью, но и множество образов обонятельных и звуковых, благодаря которым мир, воссоздаваемый в его поэтических текстах, становится зримым и осязаемым, буквально наполняется красками, запахами и звуками.

В одном из ранних стихотворений поэта описано полное слияние лирического героя с природой и всем сущим, полное растворение в ней как «самое лучшее», что ему дано, как абсолютная гармония с миром и самим собой: *И не страшно душе – хорошо и легко / слиться с листьями леса, с растительным соком, / с золотыми цветами в тени облаков, / с муравьиной землёю и с небом высоким* («И опять – тишина, тишина, тишина...» (1948–1951)) [7, с. 32]. Не случайно и рождение таких строк в стихотворении «Ода» (1962): *...а если выколют глаза мне, я стану звёздами смотреть* [7, с. 109]. И в моменты высшего счастья вдвоем с возлюбленной –

такое же слияние с природой, растворение в ней: *Благословенны дни безделья / с подругой доброй средь дубрав, / когда мы оба, как бестелые, / лежим, весь бор в себя вобрав* («Во мне проснулось сердце эллина...» (1961)) [7, с. 86]. В этом стихотворении разговор о природе включает и звуки природного мира: *Мы ездили на хутор Коробов, / на кручи солнца, в край лесов. / Он весь звенел от шурких шорохов / и соловьиных голосов* [там же].

Б.Ф. Егоров, характеризуя раннее творчество Б.А. Чичибабина, отмечает, что уже в самом начале творческого пути нужно искать «начало важной для Чичибабина синэстезии, слияния воедино образов различных органов чувств; в дальнейшем у поэта будут такие же соединения цвета и звука и цвета с запахом...» [1]. Яркие примеры подобного рода можно найти в стихотворении «Север» (не позднее 1952), где звук, запах и человеческие чувства кажутся неразделимыми: *Лес под ветром иглами шумит, / не смолкая... <...> // Низом шелест стелется осенний, / от берёз исходит аромат... <...> // Затрещит валежник под ногами – / запоёт в охотнике азарт...* [7, с. 32]. А в стихотворении «Воспоминание о Востоке» сливаются не только звук и запах (*Чуть слышно пахнут вяленые дыни. / У голубых и призрачных прудов / поёт мошка*), но и весь мир сотворён из запахов и света [7, с. 34]. Показательны в плане синэстезии и такие выражения, как *звонкий свет; холод соловьиный* («Когда весь жар, весь холод бы изведан...» (1961)) [7, с. 83]; *гулкий солнцепёк* («Моцарт» (1977)) [7, с. 271] и т.п.

Природа в творчестве поэта антропоморфизированная – живая, дышащая, звучащая. Не только *имель зазвенел* («Когда весь жар, весь холод бы изведан...» (1961)) [7, с. 83], но и *сны, как сёстры, звенят в синеве* («Вечная музыка мира – любовь» (1960)) [7, с. 82]; осенью *шуршит тропинка плюшевая <...> ...ветер, гнёзда струшивая, / скрежещет жёстью крыши* («Уже картошка выкопана...» (1957)) [7, с. 50]. Да и сама осень *свищущая* («Ох, как мой край метели холят!...» (конец 50-х)) [7, с. 52]. А в пору оттепели *жалкий дождь трещит на все лады; бубнит, как пономарь* («Весна – одно, а оттепель – иное...» (1963)) [7, с. 122]. Летом чуткое ухо поэта улавливает и звук прыгающего кузнечика (*...треща и плача, прыгает кузнечик...* («А хорошо бы летом закатиться...» (1961)) [7, с. 88], и шелест *капли уроненной в листве*, а рядом со звуками природы – *ропот комбайна / на том берегу* («Жёлтые жёлуди...» (начало 1960-х)) [7, с. 88].

Летний отдых в деревне дарит силы и умиротворение: *Меня закалила работа и служба, / я лиха немало хлебнул на веку, / и сладок мне отдых и весело слушать / мычанье скотины и квохтанье кур. <...> Вот так и кочую, как ветры велели, / с котомкой и палкой брожу полугол, / да слушаю речек сырые свирели / и гулкие дудки болотных лугов* («По-разному тратится летняя радость...» (1961)) [7, с. 89]. Невозможно не заметить в этом фрагменте яркое созвучие **ветры велели**. Такое внимание к звуковому строю стихотворений вообще характерно для Чичибабина: *шуркие шорохи* в стихотворении «Во мне проснулось сердце эллина...» (1961)) [7, с. 86]; *...твой путь устлала усталость* и *...каждый жест твоих рук, обоженных* моим *обожаньем*... в стихотворении «Все деревья, все звёзды мне с детства тебя обещали...» (1962) [7, с. 106–107]. А в стихотворении, посвященном Лёшке Пугачёву («Лёшке Пугачёву» (начало 1960-х годов)), – целая россыпь: *Тебе ль беду не каркали / скупые куркули?; замурзанные музы* и строки *Что диспуты, что деспоты опухшим и шалавым* [7, с. 116–117]. Подобных примеров в поэзии Чичибабина встречается немало. Поэт часто использует внутреннюю рифму, паронимические пары, прием паронимазии.

А в стихотворении «Лагерное» (1946), благодаря аллитерациям – повторению звука [р], а также шипящих и свистящих звуков, – создается эффект звукописи: *...наградил нас угрюмый деспот / шумной шерстью собачьей своры*. Кстати, эти строки из второй строфы по смыслу перекликаются со строками из строфы четвертой: *Лишены мы всего человеческого, / брянский волк нам в лесу товарищ* [7, с. 25]. (Проблема звукописи в лирике Чичибабина рассматривается в статье С.А. Кочетовой и Е. Рощенко «Символика звуков в поэзии Б. Чичибабина» [4].)

Можно отметить и использование поэтом составных каламбурных рифм, таких как *нимбов – гоним был* («Еврейскому народу» (1946)) [7, с. 27]; и *ясность – и я снюсь* («Уже картошка выкопана...» (1957)) [7, с. 50]; *счастья не таю – не дал интервью* («Я жил на комсомольской стройке» (1962)) [7, с. 573] и др.

Обращают на себя внимание и неповторимые авторские «звуковые» метафоры: *речек сырые свирели; гулкие дудки болотных лугов*. В них звуковое начало воплощено в образах народных музыкальных инструментов – свирели и дудки.

Звуковые образы, поданные в метафорическом изображении, становятся яркими, запоминающимися. Например: *Милый дождик, мелкий, меткий, / золотой, весёлый, ранний, / сы-*

плет звонкие монетки / на асфальтовые грани («Утро с дождём и солнцем» (не позднее 1952)) [7, с. 42]; *Сосулинки залепетали, / попались, звонкие впросак, / и голубыми лебедями / сугробы плещутся в ручьях* («Этот март» (1962)) [7, с. 104]. В стихотворении «Родной язык» (1951) *непуганая речь* общежитских девчонок-простушек характеризуется как *шёпот солнышка с ромашкой* [7, с. 46].

На этом фоне вполне естественной выглядит просьба поэта к соловью: *Соловей – птица Божия, / научи меня петь, как ты* («Просьба» (не позднее 1952)) [7, с. 36]. Ведь поэзия – та же музыка, что находит подтверждение в словах: *...ты всё отдашь и всё простишь ей / хотя б за музыку одну / родившихся четверостиший* («Любить, влюбиться – вот беда...» (не позднее 1957)) [7, с. 49]. А в стихотворении «Искусство поэзии» (1978), где речь идет об особенностях поэтического труда и поэтического искусства, автор использует целый ряд песенных, музыкальных ассоциаций: *...поешь ли хрупких зорь престольные капризы...; Когда, и для чего, и кем в нас заронен / дух внемлющей любви, дух стройности певучей?* [7, с. 289]. И эта музыкальность, певучесть поэзии, как полагает поэт, подарена ей самой природой, глубинной тайной жизни: *Прислушайся ж, мой брат, к сокрытой глубине, / пойми ее напев и облеку в глаголы* [там же].

Идея связи поэзии с музыкой прослеживается и в стихотворении «Я почувал беду и проснулся от горя и смуты...» (1978), в котором поэт сетует: *Хоть бы чуда занять у певучих и влюбчивых клавиш, / но не помнит уроков дурная моя голова...* [7, с. 292].

Даже любовь звучит в лирике Чичибабина как *вечная музыка мира*. Именно так названо одно из стихотворений Бориса Алексеевича – «Вечная музыка мира – любовь» (1960) [7, с. 82–83].

Не удивительно, что и история, исторические времена приобретают свои звуковые характеристики. В стихотворении «Смутное время» (1947) *В очарованные трубы / трубят матушка Сибирь. // На Литве звенят гитары. / Тула точит топоры* [7, с. 28]. Что уж говорить о стихотворениях, непосредственно связанных с музыкальной темой, таких как «Моцарт» (1977) [7, с. 270–272].

Музыка Моцарта, его опера «Дон Жуан», услышанная осенью в Одессе, где *ветер камни сыпал горсткой, / ракухи лускал; где громами небо колебалось, / трубили бури* [7, с. 271], кажется лирическому герою удивительно созвучной южной природе, гармонирующей с ней. Не случайно в начале и в конце стихотворения повторяются строки: *А где еще и слушать «Дон Жуана», / как не в Одессе?* И не только природе созвучна музыка Моцарта, но и чуткой душе лирического героя – самого поэта. *Душе скитальца музыка желанна, / как сон о лесе...* [7, с. 272], – пишет Чичибабин. И снова здесь звучит мысль о близости поэзии и музыки, о волшебной силе искусства: *...лишь Моцарт был, как ангел или парус, / дитя лазури. // Он шёл, свистя, по пристаням, по дюнам, / с волибой приятья, / и я не зря о Пушкине подумал: они как братья* [7, с. 271].

Интересно, что даже тишина «звучит» в поэзии Чичибабина: *Школьные коридоры – / тихие, не звенят...* («Кончусь, останусь жив ли...» (1946)) [7, с. 23]; или *И опять – тишина, тишина, тишина* («И опять – тишина, тишина, тишина...» (1948–1951)) [7, с. 31]; *Какая в мире тишина! / Какой на небе свет!* («Сияние снегов» (1979)) [7, с. 308]. Тишина в поэзии Чичибабина – не полное отсутствие звука, а высшая форма звучания, воплощение тайны бытия и гармонии мира. Не случайно в стихотворении «Нет, ты мне не жена...» (1961) поэт сравнивает возлюбленную с лесной тишиной: *Ты вся, как тишина, – / телесная, лесная* [7, с. 84]. Этот пример снова напоминает о роли созвучий в поэзии Чичибабина, но повторение звуковых комплексов в данном случае не просто образует внутреннюю рифму, оно создает эффект отзвука, эха – *те-лесная, лесная*.

В стихотворении «Ода тополям» (1978) тишина является не просто атрибутом тополей, но их квинтэссенцией, их глубинной сутью: они сами в восприятии поэта – *...глубь и тишь, взмывающие ввысь, / соборы сна, светильники с ветвями* [7, с. 299]. Их мудрое молчание «зовущее»: *Лишь тополя под окнами у нас / зовут куда-то как ориентиры* [7, с. 300], причем «зовут» – не вдаль, но в глубину лишь, */ зовут, чтоб мы, как некогда Нарцисс, / в свою – сквозь плоть – божественность взглянули* [там же]. Тополя поэт сравнивает с храмами, а их «звучащее молчание» – с органной мессой: *Храмами во мраке / они полны звучанья, как орган, / и тайны тайн, как чистый лист бумаги* [7, с. 301]. Божественная тишина, вечность противопоставляется шуму как началу мирскому, суетному, преходящему: *...нам свойствен шум, а тополя молчат, / полным-полны значенья и звучанья* [7, с. 300]. В этих строках можно увидеть под-

тверждение нашей мысли о том, что тишина у Чичибабина («немота» тополей) не есть отсутствие звука, звучания. А вот молчание, в отличие от тишины, как полагает поэт, может быть связано как с вечным, непреходящим, высшим, так и с мелким, мирским, суетным. Говоря о тополях, он замечает: *...мы и молчим о судьбах государств, / а тополя – о Вечности и Боге* [там же]. К слову, используемый в этом фрагменте приём антитезы играет важную роль в тексте стихотворения в целом и присутствует в завершающей строфе: *Алчба и страх снедают нашу плоть, / а тополя добры и неподвижны. / Галдят пророки – но молчит Господь, / и – внутри себя – тиха улыбка Вишны* [7, с. 301]. А в стихотворении «Сияние снегов»: *Земля простила всех чуд, / и пир любви не скуп, / и в небе ангелы поют, / не разжимая губ* [7, с. 309]. В связи с использованием Чичибабиным мотивов тишины и молчания нельзя не вспомнить тютчевское «Мысль изреченная есть ложь» (Ф.И. Тютчев «Silentium!» (1830)) и производное от него мандельштамовское *Да обретут мои уста / Первоначальную немому, / Как кристаллическую ноту, / Что от рождения чиста!* (О.Э. Мандельштам «Silentium» (1910)) [5, с. 28], где тютчевская мысль получает развитие: тишина осмысливается как первооснова жизни, а музыка как нечто первичное по отношению к слову (отсюда *...слово, в музыку вернись!* [там же]).

Таким образом, понятие тишины как высшей формы звука (и в этом смысле молчания) в полном соответствии с русской поэтической традицией имеет в поэзии Чичибабина позитивное значение. Употребление этого слова с негативной коннотацией вообще довольно редко встречается в русской поэзии. (Обычно для отрицательной характеристики используется постоянный эпитет – «мертвая» тишина.) В свое время Ленина Павловна Черкасова в выступлении на кафедре русского языка (сейчас славянских языков) Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды обратила внимание на не вписывающееся в рамки традиции, но встречающееся у Б.Ш. Окуджавы отрицательное отношение к тишине. Вспомним, например, такие строки: *...и по комнате плавает предгрозовая тишина* («Валины экзамены» (1956)); *Тьмою здесь все занавешено / и тишина как на дне...* («Тьмою здесь всё занавешено...» (1960)) [6, с. 203].

В некоторых случаях Окуджава, действительно, отдает предпочтение звучанию – музыке и слову. Например: *И все-таки я жду из тишины / (как тот актер, который знает цену / чужим словам, что он несет на сцену) / каких-то слов, которым нет цены* («Подмосковье» (1956–1957)) [6, с. 129]. И все же даже в его текстах слово «тишина» зачастую выступает с позитивной коннотацией. Наиболее показательны в этом отношении стихотворения, связанные с военной темой, где тишина ассоциируется с миром, а ее нарушение – с войной: *Но однажды, когда «мессершмитты», как вороны, / разорвали на рассвете тишину, / наш Король, как король, он кепчонку, как корону, – / набекрень, и пошел на войну* («Король» (1957)) [6, с. 139]; *...а сколько он мучился и страдал, / пока не нахлынула эта ночь, / ночь удивительной тишины, / первая ночь после войны!* («Ночь после войны» (1955)) [6, с. 109]; *Последний залп порвал тишину...; ...тишина, что звенит в ушах, / выстрадана мной* («Журавли» (1956)) [6, с. 123–124]; *Встанет, встанет над землей радуга, / будет мир тишиной богат...* («Ах, война, она не год еще протянет...» (1959 (?))); *За мир и тишину чего не дашь?* [6, с. 569] («Да здравствует Великий Понедельник!...» (1977)) и др. Полагаем, что проблема «тишины» в поэзии Окуджавы и Чичибабина может стать предметом самостоятельного научного исследования.

Таким образом, в лирике Чичибабина большое место занимают звуковые (аудиальные) образы. В первую очередь, это звуки природного мира и музыка, но даже исторические времена приобретают особые звуковые характеристики. Важная роль в художественной картине мира поэта принадлежит тишине, которая осмысливается им не как полное отсутствие звука, а как высшая форма звучания, становясь воплощением тайны бытия и гармонии мира. Такое восприятие тишины вполне вписывается в русскую поэтическую традицию (см., например, «Silentium!» Ф.И. Тютчева (1830)) и «Silentium» О.Э. Мандельштама (1910)).

Отмечая музыкальность поэтического слова, Чичибабин в стихотворениях, связанных с темой поэтического труда и поэтического искусства активно использует песенные, музыкальные ассоциации. Причем, с точки зрения автора, музыкальность, певучесть поэзии подарена ей самой природой, глубинной тайной бытия. Нередко в стихотворениях Чичибабина прослеживается мысль о близости поэзии и музыки, о волшебной силе искусства. Не случайно даже любовь характеризуется им как *вечная музыка мира*. Вполне закономерно пристальное внимание поэта к звуковому строю собственных стихов. Часто в текстах Чичибабина используются яркие «звуковые» метафоры, элементы звукописи, внутренняя рифма, составные каламбурные риф-

мы, встречаются паронимические пары, прием паронимазии. В отдельных случаях повторение звуковых комплексов создает эффект отзвука, эха.

ЛИТЕРАТУРА

1. Егоров Б.Ф. Раннее творчество Бориса Чичибабина. URL: http://www.philology.nsc.ru/elib/data/Narrativ_tradits_2014/41.Egorov_B.pdf. (Дата обращения: 5.05.2019).
2. Козлова А.Г. Музыка в лирике Булата Окуджавы. *Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды*. 2018. № 3(65). С. 41–46.
3. Козлова А.Г. Музыка в поэзии Юрия Левитанского. *Русская филология. Вестник Харьковского национального педагогического университета имени Г. С. Сковороды*. 2019. № 2(68). С. 39–44.
4. Кочетова С.А., Рощенко Е. Символика звуков в поэзии Б. Чичибабина. *Чичибабин и развитие русской поэзии Украины в XX веке: Вестник Крымских чтений Б.А. Чичибабина*. Выпуск 2. Симферополь: Крымский Архив, 2005. С. 38–41.
5. Мандельштам О. Стихотворения. Проза / Сост., вступ. ст. и коммент. М.Л. Гаспарова. М.: ООО «Издательство АСТ», Харьков: Фолио, 2001. 736 с. (Б-ка поэта).
6. Окуджава Б.Ш. Стихотворения / Вступ. статьи А.С. Дубшана и В.Н. Сажина. Сост. В.Н. Сажина и Д.В. Сажина. Примеч. В.Н. Сажина. СПб.: Академический проект, 2001. 712 с.
7. Чичибабин Б.А. Собрание стихотворений / Сост. Л.С. Карась-Чичибабина; Вступ. ст. С.Н. Буниной; Коммент. Л.С. Карась-Чичибабиной, С.Н. Буниной. Харьков: Фолио, 2009. 890 с.

REFERENCES

1. Yegorov, B.F. Rannieie tvorchestvo Borisa Chichibabina [*Boris Chichibabin early creative works*]: URL: http://www.philology.nsc.ru/elib/data/Narrativ_tradits_2014/41.Egorov_B.pdf [in Russian].
2. Kozlova, A.H. Muzyka v lirikie Bulata Okudzhavy. *Russkaia filologiya. Vestnik Kharkovskogo natsionalnogo pedagogicheskogo universiteta imeni G.S. Skovorody* [Music in Bulat Okudzhava's lyric poetry]. 2018. № 3(65). С. 41–46 [in Russian].
3. Kozlova, A.H. Muzyka v poezii Yurii Levitanskogo. *Vestnik Kharkovskogo natsionalnogo pedagogicheskogo universiteta imeni G.S. Skovorody* [Music in Yuri Levitansky's poetry]. 2019. № 2(68). С. 39–44 [in Russian].
4. Kochetova, S.A., Roshchenko, Y. Simvolika zvukov v poezii Chichibabina. *Chichibabin i razvitiye russkoy poezii Ukrainy v XX veke: Vestnik Krymskikh chteniy B.A. Chichibabina* [Chichibabin and the development of Russian literature in Ukraine in XX century: The journal of Crimean B.A. Chichibabin Conference]. Issue 2. Simferopol: Krymskiy Arkhiv [in Russian].
5. Mandelshtam, O. Stikhotvoreniya. Proza / Sost., vstup. statya i comment. M.L. Gasparova [Poems. Prose]. *Introductory article and comments by M.L. Gasparov*. Moskva: ООО «Izdatelstvo AST», Kharkov: Folio [in Russian].
6. Okudzhava, B.Sh. Stikhotvoreniya /Vstup.statyi A.S. Dubshana I V.N. Sazhina. Sost. V.N. Sazhina i D.V. Sazhina. Primechaniya V.N. Sazhina [Poems]. *Introductory article by A.S. Dubshan and V.N. Sazhin. Compiled by V.N. Sazhin and D.V. Sazhina. Editor's notes by V.N. Sazhin*. SPb.: Akademicheskii projekt [in Russian].
7. Chichibabin, B.A. Sbranie stikhotvoreniy / Sost. L.S. Karas-Chichibabina; Vstup. st. S.N. Buninoy; Komment. L.S. Karas-Chichibabinoy, S.N. Buninoy [Complete works] *Compiled by L.S. Karas-Chichibabina. Introductory article by S.N. Bunina. Editor's notes by L.S. Karas-Chichibabina and S.N. Bunina*. Kharkov: Folio [in Russian].

Козлова Алла Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент, декан факультета славистики Харьковского национального педагогического университета имени Г.С. Сковороды. ORCID ID: 0000-0002-2177-7746. E-mail: kozlovaag7@gmail.com

(Статья поступила в редакцию 20 октября 2019 г.)